

Иванова Людмила Тимофеевна

кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры преподавания истории
и обществознания
Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова

**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
ОДИН ЗИМНИЙ ДЕНЬ ЯКУТСКОЙ
ЖЕНЩИНЫ В 20-Е ГГ. XX В.**

Аннотация:

На основе современных научно-методологических подходов – микроистории, гендера и теории повседневности – рассмотрен женский вопрос в Якутии 20-х гг. XX в. Обзорение одного зимнего дня якутской улусной женщины позволяет выявить типичные причины вымирания женщин; их высокой смертности; подверженности многим болезням – нервно-психическим, туберкулезу, трахоме; ломки их характеров и судеб. Изучение повседневности в феминологии расширяет исследовательское поле, дополняет традиционное источниковедение.

Ключевые слова:

познание, повседневность, гендер, микроистория, патриархальность, ментальность, быт, женский вопрос, школа Анналов, историография.

Ivanova Lyudmila Timofeevna

PhD in History,
Assistant Professor,
Head of History and Social Science
Teaching Department,
North Eastern Federal University

**HISTORY OF EVERYDAY LIFE:
ONE WINTER DAY OF
A YAKUT WOMAN IN THE 1920-S**

Summary:

On the basis of the modern scientific methodological approaches: micro-history, gender and the theory of everyday life, the article considers the question of women's rights in Yakutia in 1920-s. The study of a winter day of a Yakut Ulus woman allows the author to reveal the typical causes of extinction of women, their high mortality rate and exposure to many social diseases – neuropsychic, tuberculosis, trachoma; breaking of their characters and destinies. The study of everyday life in feminology expands the research field, complements the traditional source study.

Keywords:

cognition, everyday life, gender, microhistory, patriarchal character, mentality, way of life, the woman question, the Annales school, historiography.

Нынешнему поколению населения Республики Саха (Якутия) практически неизвестно, в каких ужасающих бытовых условиях приходилось жить и выживать якутскому народу в недалеком прошлом.

Тяжкой и неприглядной была жизнь якутских женщин. В Якутии конца XIX – начала XX в. одной из трудноразрешимых социальных проблем оставался женский вопрос – неравенство, эксплуатация и дискриминация якуток во всех сферах общественной и частной жизни. Существовала опасная тенденция вымирания женщин, особенно в цветущем детородном возрасте. По данным демографических переписей 1897 и 1917 гг. соотношение полов было явно неблагоприятным. В 1897 г. на 139 597 мужчин приходилось 130 283 женщины [1, с. 6]; в 1917 г. 138 295 мужчин и 125 841 женщины соответственно [2, с. 24]. По переписи 1926 г. в Якутской АССР проживали 152 855 мужчин и 136 230 женщин [3, т. 9, с. 2; т. 17, с. 3]. В целом на 1000 мужчин приходилось, по сведениям экспедиционных академических отрядов 1925–1928 гг., 800–850 женщин. Они считали, что вымирание женского населения вызвано не естественными причинами, а искусственными [4, л. 8]. Ситуация продолжала усугубляться и требовала незамедлительного решения со стороны советской власти. Потому женский вопрос вошел в число основных задач Якутской комплексной экспедиции АН СССР 1925–1928 гг.

Данная проблема в якутской советской историографии не обойдена вниманием историков, экономистов, социологов, но в определенной степени в методологическом плане устарела. Настало время углубить ее изучение с позиций современного историко-антропологического подхода, более того, с учетом постмодернистского поворота в исторической науке 60–70 гг. XX в. Назрела необходимость рассмотреть положение женщин Якутии указанного периода с точки зрения микроисторического подхода и истории повседневности. Это означает, что историческое познание расширяется за счет исследования будничной, повседневной, малозаметной жизни простых людей, внимания к отдельным событиям и фактам, которые в совокупности составляют жизнь человека в истории.

Повседневность всегда первична. Она имеет психоэмоциональную окраску. А это – именно то, что придает историческому знанию особые привлекательность, уникальность и правдивость. Вспомним теорию А.С. Лаппо-Данилевского о «признании чужой одушевленности» как необходимого элемента изучения духовной и психоэмоциональной сферы существования человека.

Приверженцы этого подхода утверждают, что повседневность всегда детерминирована в гендерном плане. Считается, что ее эффективно изучать отдельно. В то же время в современном обществе происходит гендерное сближение социальных интересов и ролей мужчин и женщин, поэтому нет особой необходимости в дифференцированном рассмотрении. Возвращаясь к теме женского вопроса в Якутии, полагаем, что принцип повседневности дополнит наше знание, сделает более впечатляющим и достоверным, позволит по-новому рассмотреть проблему.

Как отмечалось, сложный клубок противоречий, существовавший в женском вопросе, стал предметом внимания Якутской комплексной экспедиции АН СССР. Один из этнографических отрядов возглавлял И.П. Сойкконен, изучавший семейный быт и положение женщин в Таттинском и Баягантайском улусах и в с. Амга.

В архиве РАН хранятся два интересных документа, составленные И.П. Сойкконеном, – «Зимний день якутской женщины» и «Семейный быт якутов Якутского округа» [5]. Они написаны на основе личных наблюдений и сообщений жителей указанных улусов в 1928 г. и дополняют друг друга. Известно, что мир якутской женщины был замкнутым. Он ограничивался юртой, домашним хозяйством. Вся жизнь якутка проводила в ужасающей антисанитарии, проживала в непригодных бытовых условиях, отягчавшихся семейными неурядицами.

Прежде всего сама юрта не была приспособлена к проживанию в условиях экстремального северного климата. Это были небольшие жилища без крыши с земляным полом, крохотными ледяными окнами. Тепло и слабое освещение шли от комелька – примитивного камина, не имевшего задвижки, вследствие чего тепло «уходило в трубу», создавая в юрте резкие колебания температуры. Мебель состояла из стола, располагавшихся вдоль стен нар и примитивных стульев. Правая сторона была мужская и гостевая, левая предназначалась для женщин и детей (хоспох), около входной двери размещались старухи и, если были, хамначиты (работники).

Главным бедствием в быту являлось соседство, вернее, совмещение юрты с хотонами – хлевом для рогатого скота. Ежедневно скот «ходил» на водопой через юрту. Нетрудно представить смрад и зловоние в жилище, хотя считалось, что животные согревали жилье. Поскольку выжить легче сообща, в юрте проживали 2–3 семьи (дюккашество), состоящие из голых ребят, слепых стариков, убого и жалко одетых кормильцев и женщин. Если юрта занимала 40 м², то хотон составлял 78 % всей площади, а жилье – 22 %. Здесь размещались 8 человек (две семьи) и 20 голов скота [6, л. 46].

Антисанитария в быту (отсутствие умывальников, полотенец, мыла), курение сквернейшего табака через общую трубку, нездоровое питание (ячменная лепешка, слегка пропеченная перед комельком) создавали благодатную почву для заболеваний туберкулезом, трахомой, чесоткой, педикулезом, тифом, а также для психических болезней – мэнэрик и эмиряченье. Всю эту неприглядность якутского быта авторы описаний, в том числе И.П. Сойкконен, называли «кошмарным злом». В этих условиях женщинам приходилось не только жить и заниматься домашними делами, но и участвовать в ведении скотоводческого хозяйства, хлебо- и сеноуборочных работах.

Описание одного зимнего трудового дня якутской женщины свидетельствует и объясняет многие перипетии женской доли. Ее трудовой день начинался затемно, с 5–6 часов утра. Первой заботой было осветить и согреть промерзшую за ночь юрту. Для этого растапливался комелек. Наскоро умывшись 1–2 стаканами воды «со рта – на пол», женщина бралась за приготовление завтрака: для чая кипятился самовар, пеклась лепешка, готовился куорчэх – взбитые сливки. Завтракали в 6–7 часов. Затем дойка 18–20 коров, а иногда доходило до 30–40 голов чужого скота, поскольку нужда заставляла брать его на зимнее содержание. При этом молочная продукция передавалась хозяину. В 9–10 часов коров выпускали через юрту на выгул и водопой. В это время якутка в течение часа старалась справиться с чисткой хотона: лопатой сгребала навоз и выбрасывала через окно на улицу, где его оформляли в замерзшие кучи и вывозили в лес. Обычно дойка коров проводилась 4 раза в день: 7–8 часов – первый удой, второй – в 9, третий – в 15 и четвертый – в 21–22 часа.

Примерно к 10–11 часам обед заменялся простым чаем. Затем женщина приступала к подготовке ужина – основной еды. Главной задачей было изготовление муки – колосьба 3–4 ячменных снопов, когда зерно очищалось от мякоти. Воздух в юрте при этом сильно запылялся. На семью из 5–6 человек колосилось 2–3 снопа. Сырье сушилось, затем на ручных мельницах-жерновах мололось и получалось около 10 фунтов необходимой муки. Кроме лепешек на ужин подавался мясной суп – 7–8 фунтов мяса семья съедала за ужин.

После 21 часа домочадцы ложились спать, а трудовой день женщины продолжался: она убирала стол, готовила продукты на следующий день. Затем в круг обязанностей входила починка и пошив одежды и обуви для семьи, напоследок – вечерняя дойка коров [7, л. 15–17].

Не следует забывать, что в течение дня женщина находила время покормить и присмотреть за детьми. Отметим, что традиционные якутские семьи многодетны. Рождаемость была высокой, но столь же высока была детская смертность, главным образом до года, из 100 детей 75 % умирали [8, л. 201].

И.П. Сойкконен описал только один зимний день обычных улусных женщин. Летом и осенью круг их обязанностей неизмеримо увеличивался. В хлебоуборочную страду и сенокос женщины трудились почти наравне с мужчинами: гребли, копнили и стоговали сено. Жатва возлагалась целиком на женские руки. Как только заканчивались полевые работы, якутки занимались заготовкой продовольствия впрок на долгую зиму. Кроме того, готовили и шили зимнюю одежду, затем до установления санного пути обеспечивали семью топливом.

Тяготы женского бытия непосильным трудом не оканчивались. Над женщиной – даровой работницей – довлели вековые традиции патриархального уклада. Родители, старшие родственники, муж и его родители определяли судьбу девушки, жены: выдавали замуж, часто не учитывая ее согласие. Разводы были весьма затруднительны. Традиционные предрассудки делали женщин пассивными и бесправными в семье.

Отсюда понятно, почему среди якуток было велико число самоубийств. В Национальном архиве РС (Я) хранится немало дел «об удавившихся женках». Также наблюдалось большое количество нервно-психических заболеваний. Политссыльный врач С.И. Мицкевич исследовал ряд душевных расстройств женщин – мэнэрик и эмиряченье [9, с. 32]. Его вывод гласил, что эти нервно-психические болезни являются следствием тяжелого быта женщин, живущих в страхе перед домашними, задавленных непосильным трудом [10, с. 32, 53].

Консервативный и убогий быт якуток нашел реалистическое отображение в произведениях классиков якутской литературы, а также в трудах якутских политссыльных, главным образом В. Серошевского. Типичные образы Кэтириис из драмы А. Софронова «Таптал» («Любовь»), Маайи из его же драмы «Тина жизни», Боккую, Марины и других героинь изучаются не только литераторами, но и историками [11, с. 20–21].

Социально-бытовые условия, бесконечный «зимний день» уродовали не только судьбы, но и характеры женщин. Неуживчивые, сварливые, злые якутки из «Портретов якутских женщин» А.Е. Кулаковского порождены социальными условиями, и эти черты надолго сохраняются в женской психоментальности [12, с. 19].

Таким образом, один трудовой день из повседневности якутской женщины высветил целый пласт проблем женского вопроса Якутии – от социально-экономических до морально-нравственных черт и психоментальных особенностей. Метод анализа повседневности позволяет за частным увидеть общее, за единичным – типическое, за буднями – переживания отдельных людей, их образ жизни, чаяния и стремления. То, что дает изучение обыденности, невозможно найти в официальных деловых источниках.

Все это позволило истории повседневности в 80-е гг. XX в. сложиться в самостоятельную отрасль исторического знания. На сегодня сложились два направления, две научные школы по изучению обыденности. Первая – из французской школы Анналов, которая исследует повседневность с точки зрения реконструкции ментальностей; вторая – из франкфуртской научной школы (германская, итальянская, скандинавская историография), рассматривающая ее с позиций микроистории.

Указанные подходы вполне сосуществуют в современной гуманитарной методологии. Через призму повседневности многие историки, этнологи, социологи расширяют свое исследовательское поле и успешно решают поставленные задачи. При этом они в основном применяют способ «вчитывания», позволяющий установить своеобразный «диалог» с текстом. В целом история повседневности дает бесценную информацию, которую трудно найти в традиционных источниках.

Ссылки:

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. XXX. Якутская область. СПб., 1904 (1905).
2. Соколов М.П. Якутская губерния по переписи 1917 г. Вып. 17. Иркутск, 1922.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928.
4. Национальный архив РС (Я). Ф. 386. Оп. 2. Д. 168.
5. Архив РАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156, 158.
6. Там же. Л. 46.
7. Там же. Л. 15–17.
8. Там же. Л. 201.
9. Мицкевич С.И. Мэнэрик и эмиряченье. Формы истерии в Колымском крае. Л., 1929.
10. Там же. С. 32, 53.
11. Башарин Г.П. А.И. Софронов. Жизнь и творчество. Якутск, 1969.
12. Кулаковский А.Е. Стихи и поэмы. Якутск, 1957.

References:

1. *The first general census of the Russian Empire. 1897 1904 (1905)*, vol. XXX, Yakutsk region, St. Petersburg.
2. Sokolov, MP 1922, *Yakut province Census 1917*, vol. 17, Irkutsk.
3. *The census of 1926 1928*, Moscow.
4. *The National Archives of the RS (Y)*, f. 386, op. 2, d. 168.
5. *Archives RAS*, f. 47, op. 2, d. 156, 158.
6. *Archives RAS*, f. 47, op. 2, d. 156, l. 46.
7. *Archives RAS*, f. 47, op. 2, d. 156, l. 15-17.
8. *Archives RAS*, f. 47, op. 2, d. 156, l. 201.
9. Mickiewicz, SI 1929, *Menerik and emiryachene. Forms of hysteria in the Kolyma region*, Leningrad.
10. Mickiewicz, SI 1929, *Menerik and emiryachene. Forms of hysteria in the Kolyma region*, Leningrad, l. 32, 53.
11. Basharin, GP 1969, *Al Sofronov. Life and art*, Yakutsk.
12. Kulakovskiy, AE 1957, *Poems*, Yakutsk.